

«ВЕЛИКОДУШНО ОТПУСТИТЬ»...

Вот уж поистине — драматургия жизни, в которой великий мастер драмы сам оказался персонажем.

Столетний юбилей Михаила Афанасьевича Булгакова пришелся на переломный момент российской истории. Точно так же, как пришла на переломный момент его молодость. Как на крутой общественный перекал пришла его писательская зрелость. Да чего уж там, вся его литературная судьба, сколь прекрасная, столь и трагичная, совпала с жесточайшей ревизией всех тех вековых ценностей, на которых Булгаков был воспитан как русский интеллигент и писатель.

Вот о чем интереснее всего теперь думать, о том, что не пленяясь романтический революционных бурь, пренебрегая обвинениями в консерватизме и ретроградстве, преодолевая не просто авторский, а нормальный человеческий страх за свою участь, Михаил Булгаков остался верен своему убеждению, что российская интеллигенция суть лучшая часть российского общества. Не изменил своей теме, своим кремовым шторам, своей зеленой лампе, тому мудрому уюту, какой возникает от ее соседства с обилием много раз перечитанных дорогих и любимых книг, своему излюбленному человеческому типу раннего и совестливого, деликатного и трогательного книжечка и сочинителя.

Ныне, в период кипения политических страстей, в дни ослепительного сияния новейших общественных репутаций, нетрудно представить, как стремились — порой совершенно искренне, порой небескорыстно — совпасть с веком многие булгаковские сверстники и коллеги.

Михаил Афанасьевич предпочитал совпадать с традицией русской культуры, даже в житейском обиходе, даже в бытовых обыкновениях подчеркивая свою, не отвечающую разудалому духу времени, корректную обстоятельность.

Вообразите, братья-газетчики славят бурю

и натиск, а он в еженедельном фельетоне радуется тому, что на Тверской среди митингующих и манифестирующих масс появился наконец обыкновенный стриженный ученик с ранцем за спиной, идущий хоть и не в гимназию, но во всяком случае в школу, где учат арифметике и правописанию.

Вся Москва в революционном порыве рукоплещет мейерхольдовскому театральному бунту, а он, демонстративно нацепив бабочку и поигрывая моноклем, воздаст хвалу старому доброму занавесу, полумраку лож, грядкам бархатных кресел.

Знаменитые собраты по литературе общаются с вождями посредством од и поэм, а он объясняется с правительством в подробном письме, в котором лояльная учтивость просителя оттенена непочтительной откровенностью гражданина, уверенного в своих правах и в своей правоте.

Письма Булгакова Сталину могут лечь в основу ученого труда на тему о стилистике эпистолярного общения опального литератора с неограниченным диктатором в условиях тоталитаризма. А еще они свидетельствуют о том, что нравственные качества литературных героев неотделимы от авторской чести.

Все, что Булгаков написал вождям, могли бы написать и спаливший свою великую рукопись Мастер, и кинувшийся в Днепр с Цепного моста незадачливый драматург Максудов, и замученный высочайшим покровительством Мольер из «Кабалы святош», и Пушкин, так ни разу не появившийся на сцене в посвященной его жизни пьесе.

Булгаков наделял своих любимых героев естественным и неподкупным, хотя и постоянно уязвляемым достоинством. И сам, похоже, находил в нем поддержку, оберегая изо всех сил свое собственное достоинство писателя.

Обращаю на это внимание. Он не претендовал на роль общественного лидера, трибуна,

вовсе не желал «пасти народы», он настаивал лишь на своей абсолютной и не подлежащей сомнению автономности как художника.

Подозреваю, что в этой, казалось бы, частной защите своих профессиональных интересов больше истинного свободолюбия, нежели во многих проникнутых мятежным духом манифестах и декларациях. Суть в том, что все произведения Михаила Афанасьевича Булгакова, как определял это его сосед по писательскому дому в Нашекинском, написаны «без разрешения». Все, даже заказная пьеса «Ба-тум», в которой исторический персонаж и заказчик дальновидно разглядел крамолу. Ибо крамола, «написанное без разрешения» — это опять-таки вовсе не обязательно написанное «против», но это всегда написанное независимо, по собственному внутреннему побуждению и закону, без оглядки как на высокие идеологические регламентации, так и на правила хорошего оппозиционного тона.

Михаила Афанасьевича Булгакова так же, как и Александра Сергеевича Пушкина, ни разу в жизни не выпустили за границу Отечества. (Между прочим, чем не аргумент в пользу застрявшего в Верховном Совете закона о выезде). Вот опять же вечная российская драматургия жизни: именно гордость страны ставится под особое подозрение. Изнуренный ощущением клетки, пусть и огромной, Булгаков в знаменитом ныне письме правительству просил «великодушно отпустить» его «на свободу».

Разумеется, не одна лишь свобода передвижения по миру имела в виду, но и та, отказаться от которой, по выражению Булгакова, значило бы для писателя уподобиться рыбе, «публично уверяющей, что ей не нужна вода».

О свободе иметь свое мнение по поводу революции, страны и народа он не просил, она и без того была органически ему свойственна.

Ан. МАКАРОВ.